

Научная статья

УДК 341

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА ИСКАТЬ УБЕЖИЩА ОТ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ДРУГИХ СТРАНАХ: НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

**Рохов Диего, Ph.D., Калифорнийский университет, Ирвайн, Калифорния,
США, rochovdcal89@outlook.com**

Аннотация

Право человека искать убежище от преследования в других странах гарантируется и на международном, и на национальном уровне. Это далеко не самое востребованное право, однако его особая роль не ставится под сомнение, в том числе ввиду наличия соответствующих гарантий в Всеобщей декларации прав человека и Конституции РФ. Содержательно данное право включает достаточно широкий спектр правомочий, несмотря на его предельно краткое закрепление в основополагающих нормах Конституции. Важной особенностью рассматриваемого права является неразрывная связь с противоречиями, которые возникают между интересами конкретной преследуемой личности и преследующим государством, а также между преследующим государством и государством, предоставляющим политическое убежище. Данное право содержит в себе как положительный, так и негативный аспекты, анализируемые в настоящей статье, в том числе с учётом судебной практики. Автор приходит к выводу о том, что рассматриваемое право в целом является результатом компромисса, а обеспечение его гарантий на международном уровне чрезвычайно важно для создания дополнительных возможностей реализации фундаментальных прав и свобод человека и гражданина применительно к особым случаям.

Ключевые слова: политическое убежище, права человека и гражданина, право искать убежище, преследование по политическим мотивам, статус беженца

Статья поступила в редакцию 13.06.2025, одобрена после рецензирования 14.08.2025, принята к публикации 14.11.2025.

Original article

THE HUMAN RIGHT TO SEEK ASYLUM FROM PERSECUTION IN OTHER COUNTRIES: NATIONAL AND INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS

Diego Rochow, Ph.D., University of California, Irvine, California, USA

Abstract

The human right to seek refuge from persecution in other countries is guaranteed both internationally and nationally. This is far from the most sought-after right, but its special role is not questioned, including due to the existence of relevant guarantees in the Universal Declaration of Human Rights and the Constitution of the Russian Federation. Meaningfully, this right includes a fairly wide range of powers, despite its extremely brief consolidation in the fundamental norms of the Constitution. An important feature of the law under consideration is its inextricable link with the contradictions that arise between the interests of a particular persecuted person and the persecuting State, as well as between the persecuting State and the State providing political asylum. This right contains both positive and negative aspects, which are analyzed in this article, including taking into account judicial practice. The author concludes that the law in question is generally the result of a compromise, and ensuring its guarantees at the international level is extremely important for creating additional opportunities for the realization of fundamental human and civil rights and freedoms in relation to special cases.

Keywords: political asylum, human and civil rights, the right to seek asylum, persecution for political reasons, refugee status

Введение

Право на получение политического убежища является особо значимым не только ввиду факта его закрепления в Конституции РФ [1] и основополагающих международных документах, но и исходя из необходимости обеспечения дополнительных инструментов защиты прав и свобод человека и гражданина. И данный инструмент обеспечивает реальность международно-правовых гарантий соответствующих прав вне зависимости от национального законодательства. Причём относительно редкая востребованность такого права не может рассматриваться как обстоятельство, которое нивелирует его значимость. Проблемность же вопросов, касающихся данного права, во многом обусловлена тем, что его реализация так или иначе является предпосылкой для возникновения конфликтной ситуации между государством, преследующим личность и государством, предоставившим ей политическое убежище.

Основная часть

В первую очередь стоит коснуться ключевых положений Конституции РФ, гарантирующих признание и возможность реализации рассматриваемого права на территории России. Соответствующие положения сосредоточены в ст. 63, согласно ч. 1 которой, Россия предоставляет политическое убежище как иностранным гражданам, так и лицам без гражданства, основываясь при этом на общепризнанных нормах международного права.

Также ч. 2 ст. 63 установлен запрет выдачи иным государствам лиц, которые преследуются за политические убеждения либо действия или бездействие, не квалифицируемые в России в качестве преступлений. При этом потенциально допускается выдача лиц, которые обвиняются в совершении преступления или уже осуждены, для отбывания наказания в другом государстве, если соответствующие нормы присутствуют в федеральном законе либо оговорены международным договором.

Примечательно, что в данной статье никоим образом не упоминается о лицах, которые получают политическое убежище в других государствах. И в

этой связи стоит сказать, что аналогичного содержания нормы присутствуют и в праве других государств, предоставляющих убежище, в том числе и лицам, которые скрываются от уголовного преследования со стороны российских правоохранительных органов. В этом смысле сам инструмент политического убежища определённо может быть рассмотрен в качестве некоторой предпосылки для возникновения конфликтных ситуаций между государствами. Однако данный нюанс не столь принципиален, ведь политическое убежище используют не только сами граждане, но и государства, реализуя собственные политико-правовые и иные цели.

В рамках российского законодательства рассматриваемое право конкретизируется в Федеральном законе «О беженцах» [6]. Причём указанным законом предусматривается именно временное убежище, которое в ст. 1 трактуется как возможность иностранного гражданина и лица без гражданства временно пребывать в России на основании российского законодательства.

Интересно, что в этом случае не содержится упоминаний о том, что гражданин пребывает в России, в том числе, на основании норм международного права. Более того, не говорится в законе и о политическом убежище. Хотя оно прямо упоминается в Конституции РФ. Однако это не меняет самой сути рассматриваемого явления, ведь временное убежище вполне может трактоваться и в качестве политического, с учётом конкретных обстоятельств, в связи с которыми гражданин получил такое убежище.

В международном праве вопросам политического убежища уделяется особое внимание, поскольку это одна из важнейших гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина.

Нормы об указанном праве содержит, в частности, Всеобщая декларация прав человека [2], которая в ст. 14 закрепляет право каждого человека искать убежище от преследования в других странах, а также пользоваться данным убежищем. Причём не допускается использование такого права в ситуациях преследования в связи с совершением неполитического преступления либо

преступления, которое противоречит целям и принципам ООН. В данном случае речь идёт о том, чтобы защитить субъектов исключительно от преследования по политическим мотивам. Что же касается преследования по мотивам неполитического характера, то оно, как следует из рассмотренной выше нормы, в контекст политического убежища не попадает. Тем не менее, вряд ли можно исключить правомерность убежища, которое как де-факто, так и де-юре политическим не является. Но эти нюансы не столь важны. Ключевым является сам факт международного признания права человека на поиск убежища в любой стране.

Отдельные основополагающие документы, которые должны бы содержать нормы об указанном праве, их не содержат. Например, в Международном пакте о гражданских политических правах [4] об убежище не упоминается.

Нельзя не обратить внимание на документы, которые специально были приняты именно для правовой регламентации рассматриваемого права. Среди них Декларация о территориальном убежище [5]. Однако она носит всего лишь рекомендательный характер [11, с. 45]. Тем не менее, формальная рекомендательность ни коим образом не нивелирует указанный документ. Данная Декларация, как и Всеобщая декларация, имеет особое значение, поскольку является не только ориентиром, но и определённым средством обоснования государственной политики в части регламентации вопросов политического убежища и практической реализации права на него.

Интересно, что указанная Декларация имеет вполне конкретную политическую направленность, что в ст. 1 становится вполне очевидно, где отражена правовая поддержка лиц, борющихся против колониализма. Хотя надо признать, что в настоящее время проблема колониализма не столь остра, как, например, во второй половине XX века, когда указанная Декларация была принята.

В ст. 1 указанной Декларации отрицается возможность использования рассматриваемого права человеком, в отношении которого существуют

серьёзные основания полагать, что он совершил преступление против мира, человечества или военное преступление. Подчеркнем, что здесь говорится именно об основаниях полагать, а не о юридически установленном факте причастности к преступлению. То есть само подозрение, оформленное де-юре, уже лишает субъекта права пользоваться политическим убежищем. Но вопрос оценки оснований для предоставления политического убежища, согласно рассматриваемой Декларации, остаётся за государством, которое предоставляет убежище. То есть убежище хотя и гарантируется на международном уровне, сам вопрос о его предоставлении рассматривается именно в рамках национального законодательства, причём того государства, которое для преследуемого лица, по сути, чуждо.

Рассматриваемая Декларация подчёркивает особую роль сохранения суверенитета соответствующих государств, которые убежища предоставляют. Поэтому реализация права на получение политического убежища не должна влечь соответствующих угроз суверенитету принимающей страны.

Ст. 3 рассматриваемой Декларации не позволяет отказать в разрешении на переход границы лицу, если оно уже вступило на территорию, где ищет убежище; причём как высылка, так и принудительное возвращение такого лица в страну, где оно может подвергнуться преследованию, тоже запрещена. Однако в современном мире положения данной статьи не соблюдаются, в том числе и ввиду их рекомендательного характера, а потому в целом практика возвращения лиц в государство, которое они покинули, остаётся чрезвычайно развитой. Во многом решение такого вопроса опосредуется политическими мотивами и взаимоотношениями между соответствующими государствами, в частности государством, которое преследует гражданина, и государством, которое решает вопрос о предоставлении политического убежища.

Особо следует обратить внимание на ст. 4 рассматриваемой Декларации, исходя из которой предоставившее политическое убежище государство не

должно позволять лицам, получившим такое убежище, осуществлять деятельность, противоречащую целям и принципам ООН.

В числе базовых документов выделяется Конвенция о статусе беженцев [3], где подчёркивается особая роль международного сотрудничества, поскольку признается, что обеспечить право на убежище именно в глобальном масштабе возможно только путём развития международного сотрудничества.

Во многом идеи, которые отражены в данной Конвенции, прослеживаются и в иных международных документах, в том числе в рассмотренных выше декларациях. В ней, в частности, уточняется круг категорий лиц, которые не могут рассчитывать на получение политического убежища.

Положения данной Конвенции особо важны в связи с тем, что практически все стороны регламентируют вопросы, которые прямо или косвенно связаны со статусом получившего убежище лица. В главе 2 данного документа отражены, в частности, вопросы личного статуса, имущественного положения, защиты авторских прав, права на обращение в суд, на занятие деятельностью, приносящей доход, социальной поддержки и административного содействия.

Обозначенные выше нормативные положения актуализируют не только вопросы предоставления политического убежища, но и вопросы регламентации статуса лиц, которые такое убежище получили. В этой связи совершенно справедливо пишет О.О. Семёнова об особом состоянии лиц, которые получили политическое убежище. Их ситуация во многом носит экстренный характер и обусловлена преследованием либо угрозой преследования в стране происхождения [11, с. 11]. Отсюда и особая роль отдельных норм международного права, в том числе исключаящих возможность возвращения преследуемого лица в государство, которое оно покинуло.

Однако как законодательство России, так и международные нормы содержат оговорки о том, что право на убежище не может быть реализовано в ряде случаев, когда соответствующее преследование носит в полной мере обоснованный характер. Но вопрос того, насколько такое преследование

обоснованно, в значительной мере остаётся субъективным и решается исключительно по усмотрению конкретного государства, к которому субъект обратился.

Совершенно обоснованно отмечается наличие некоторого противоречия в правовом регулировании вопросов, касающихся предоставления политического убежища в России. С одной стороны, гражданин, покинувший своё государство по определённым мотивам, имеет право, закреплённое на международном уровне, искать убежище в другой стране; с другой стороны, само государство вправе решать вопрос о предоставлении или отказе в предоставлении политического убежища. И в Российской Федерации данный вопрос решается именно в индивидуальном порядке, исходя из государственных интересов. В связи с этим высказывается идея о необходимости закрепления права на получение политического убежища в России [11, с. 13]. Такая идея заслуживает внимания законодателя.

Но изложенное не должно создавать иллюзию того, что реализация права на получение политического убежища всегда есть положительное явление, особенно когда речь заходит об интересах Российского государства. В судебной практике известно немало случаев, когда гражданин, подлежащий привлечению к уголовной ответственности, причём за тяжкие или особо тяжкие преступления, скрывается на территории иностранного государства, получив там именно политическое убежище [7].

Идею закрепления права на получение политического убежища в рамках российского законодательства вряд ли уместно полноценно реализовать, особенно с учётом не вполне успешного европейского опыта, свидетельствующего о наличии существенной проблемы роста численности лиц, которые так или иначе получают убежище. Лояльная политика государства в части предоставления политического убежища способна спровоцировать неконтролируемый поток миграции [9, с. 101; 10, с. 224]. Думается, что данный

аспект принципиально важно учитывать именно при рассмотрении вопросов, касающихся регулирования оснований для политического убежища.

Если абстрагироваться от проблематики обеспечения права на получение политического убежища в рамках национального законодательства, то уместно обратить внимание на наличие отдельных проблем, отражающих чрезвычайную сложность реализации рассматриваемого права по ряду причин.

Во-первых, для реализации рассматриваемого права субъект должен прежде всего покинуть государство, в котором находится, что кардинально осложняется, например нахождением в розыске, ограничениями на перемещение по стране и т.д.

Во-вторых, далеко не каждое государство готово принять решение о предоставлении политического убежища. Более того, вопрос о политическом убежище может рассматриваться на протяжении длительного времени, причём нет гарантий, что даже при соблюдении всех условий субъект такое право сможет реализовать в конкретном государстве. Отсюда возникает и риск его возвращения в страну, которую он покинул.

В-третьих, политическое убежище, как правило, предоставляется на весьма ограниченный срок. В результате субъект оказывается в условиях жёсткой неопределённости. Более того, действуют и ограничения, исключающие возможность повторного использования права на политическое убежище, по крайней мере в рамках международного права [8, с. 198].

Перечисленные обстоятельства характеризуют рассматриваемое право как одно из наиболее сложно реализуемых, причём его реализация неизменно порождает конфликтную ситуацию, а его признание во многом становится результатом компромисса.

Нельзя не сказать о том, что решения, которые принимаются в конкретном государстве относительно предоставления или непредоставления политического убежища, в значительной мере опосредуют возможность человека в дальнейшем искать убежище в другом государстве. В этой связи, например, Федеральный

закон «О беженцах» в п. 3 ч. 1 ст. 5. в качестве основания для отказа в рассмотрении ходатайства предусматривает именно обоснованный отказ в предоставлении убежища в другом государстве, если законодательство такого государства не противоречит действующему в России законодательству.

Заключение

Проведённый анализ актуализирует проблему поиска возможностей для устранения барьеров к реализации права человека на получение политического убежища. В этой связи стоит рассмотреть вопрос об отказе от практики, исходя из которой формально обоснованный отказ в предоставлении убежища в одном государстве лишает человека права ходатайствовать о политическом убежище в другом государстве. С учетом этого в рамках российского законодательства стоит пересмотреть и, возможно, отменить п. 3 ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О беженцах», согласно которому лицу отказывается в рассмотрении ходатайства по существу, если оно получило обоснованный отказ в признании беженцем в любом из государств, присоединившихся к Конвенции ООН о статусе беженцев и (или) к Протоколу 1967 г., касающемуся статуса беженцев.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Известия. 1989. № 344.
3. Конвенция о статусе беженцев (принята 28.07.1951 Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14.12.1950) // Действующее международное право. В 3 т. М.: МНИМП, 1996. Т. 1.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании

- Генеральной Ассамблеи ООН) // Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. ООН; Нью-Йорк, 1992.
5. Декларация о территориальном убежище (Принята резолюцией 2312 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 14.12.1967) // Действующее международное право. В 3т. М.: МНИМП, 1996. Т. 1.
  6. Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 13.06.2023) «О беженцах» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 26. Ст. 2956.
  7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.06.2025 по делу № А56-64401/2020 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1313022323>
  8. Василенкова А.А., Ильина В.Ю., Кобесова Д.А., Коригов М.Р. Проблемы реализации права на политическое убежище в современных межгосударственных отношениях // Право и государство: теория и практика. – 2023. № 12(228). С. 197-199.
  9. Захаров И.А., Агафшин М.М. Реформирование политики убежища и контроля нелегальной миграции: общеевропейский и польский подход // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 3. С. 92–106
  10. Медушевский Н.А., Нансия Т.И. Концептуальные основы миграционной политики ЕС и ее современная трансформация: тенденции законодательства конфедерации // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11. С. 223–230.
  11. Семенова О.О. Институт права убежища в России и Федеративной Республике Германия (конституционно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2024. 221 с.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v ходе obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.

2. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948) // Izvestiya. 1989. № 344.
3. Konvenciya o statuse bezhencev (prinyata 28.07.1951 Konferenciej polnomochny`x predstavitelej po voprosu o statuse bezhencev i apatridov, sozvannoj v sootvetstvii s rezolyuciej 429 (V) General'noj Assamblei ot 14.12.1950) // Dejstvuyushhee mezhdunarodnoe pravo. V 3 t. M.: MNIMP, 1996. T. 1.
4. Mezhdunarodny`j pakt o grazhdanskix i politicheskix pravax (Prinyat 16.12.1966 Rezolyuciej 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON) // Sbornik standartov i norm OON v oblasti preduprezhdeniya prestupnosti i ugovolnogo pravosudiya. OON; N`yu-Jork, 1992.
5. Deklaraciya o territorial`nom ubezhishhe (Prinyata rezolyuciej 2312 (XXII) General'noj Assamblei ot 14.12.1967) // Dejstvuyushhee mezhdunarodnoe pravo. V 3t. M.: MNIMP, 1996. T. 1.
6. Federal`ny`j zakon ot 19.02.1993 № 4528-1 (red. ot 13.06.2023) «O bezhenczah» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1997. № 26. St. 2956.
7. Opredelenie Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 04.06.2025 po delu № A56-64401/2020 // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1313022323>
8. Vasilenkova A.A., Il`ina V.Yu., Kobesova D.A., Korigov M.R. Problemy` realizacii prava na politicheskoe ubezhishhe v sovremenny`x mezhgosudarstvenny`x otnosheniyax // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2023. № 12(228). S. 197-199.
9. Zaxarov I.A., Agafoshin M.M. Reformirovanie politiki ubezhishha i kontrolya nelegal`noj migracii: obshheevropejskij i pol`skij podxod // Vestnik mezhdunarodny`x organizacij. 2023. T. 18. № 3. S. 92–106.
10. Medushevskij N.A., Nansiya T.I. Konceptual`ny`e osnovy` migracionnoj politiki ES i ee sovremennaya transformaciya: tendencii zakonodatel`stva konfederacii // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2024. № 11. S. 223–230.

11. Semenova O.O. Institut prava ubezhishha v Rossii i Federativnoj Respublike Germaniya (konstitucionno-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. jurid. nauk. Tomsk, 2024. 221 s.